

Аюшеева Марина Глебовна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СЛОЖНЫХ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Проблема сложных звуков (полифтонгов среди гласных, аффрикат среди согласных) стоит особняком в теоретической фонетике, поскольку связана с общей теорией членения потока речи. Вопрос заключается в том, представляет ли сложный звук, состоящий из нескольких фонетически разнородных звуков, одну или несколько фонем. Следует отметить, что нет однозначного универсального, подходящего для всех языков, решения данной проблемы, так как оно возможно только для конкретного языка на основе изучения его фонологической системы в целом. Автор подчеркивает, что рассмотрение проблемы нужно осуществлять с чисто лингвистическим подходом, используя морфологический критерий в качестве основного при определении фонематического статуса сложных звуков. Вопрос осложняется тем, что наряду с монофонемными сложными звуками в языке могут присутствовать сходные им по фонетическому составу звуко сочетания. Данный факт вызывает необходимость нахождения фонетических отличий между ними, так как фонологическое различие не может быть без фонетического. В статье приводятся примеры из английского, немецкого, русского и монгольского языков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 79-82. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

LANGUAGE REPRESENTATIVES OF THE CONCEPT "FIRE" IN THE TEXTS OF THE KARACHAY-BALKAR NART SAGA

Akhmatova Mariyam Akhmatovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
mari.ahmatova@yandex.ru

The article examines the language representation of the concept "fire" in the Karachay-Balkar language (by the material of the Nart saga). Fire as one of the elements of the universe is sacred and at the same time omnivorous and bearing the initiation. In the Karachay-Balkar linguo-culture fire is the Sun's son and Tengri's grandson and is shown in various images. Fire symbolizes home, hearth, and it is also a part of heavenly fire. The concept "fire" has its own nucleus, near and far peripheries, which denote various features, actions and forms.

Key words and phrases: Nart saga; the Karachay-Balkar language; the concept "fire"; linguo-culture; derivatives.

УДК 811.512.3

Проблема сложных звуков (полифтонгов среди гласных, аффрикат среди согласных) стоит особняком в теоретической фонетике, поскольку связана с общей теорией членения потока речи. Вопрос заключается в том, представляет ли сложный звук, состоящий из нескольких фонетически разнородных звуков, одну или несколько фонем. Следует отметить, что нет однозначного универсального, подходящего для всех языков, решения данной проблемы, так как оно возможно только для конкретного языка на основе изучения его фонологической системы в целом. Автор подчеркивает, что рассмотрение проблемы нужно осуществлять с чисто лингвистическим подходом, используя морфологический критерий в качестве основного при определении фонематического статуса сложных звуков. Вопрос осложняется тем, что наряду с монофонемными сложными звуками в языке могут присутствовать сходные им по фонетическому составу звуко-сочетания. Данный факт вызывает необходимость нахождения фонетических отличий между ними, так как фонологическое различие не может быть без фонетического. В статье приводятся примеры из английского, немецкого, русского и монгольского языков.

Ключевые слова и фразы: филология; теория языка; германистика; монголоведение; фонетика; сложные звуки; аффрикаты.

Аюшеева Марина Глебовна, к. филол. н.
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
marinvasil@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СЛОЖНЫХ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

В языках мира наряду со звуками, отличающимися устойчивой артикуляцией, имеются так называемые сложные звуки, при произнесении которых органы речи постепенно меняют свое положение от уклада, свойственного для производства начального элемента, к укладу, свойственному следующему элементу или элементам. Таких элементов может быть два или три и даже более. В системе гласных сложными звуками являются дифтонги и трифтонги (которые можно объединить в понятие полифтонгов), а в системе согласных под сложными звуками преимущественно понимают аффрикаты.

Так называемые аффрикаты в акустико-артикуляторном отношении являются смычными согласными, при третьей фазе которых (рекурсии) смычка медленно раскрывается и переходит в щель. Таким образом, аффриката состоит из двух элементов – смычного (но не взрывного) и щелевого, причем оба этих элемента производятся в одном и том же месте, то есть оба элемента гомоорганны. Например, русские аффрикаты /ts/ и /tʃ/, английские /tʃ/ и /dʒ/, монгольские /ts/, /tʃ/, /dz/ и /dʒ/, в которых оба элемента являются переднеязычными, немецкая аффриката /pf/, где оба элемента губные, может быть заднеязычная аффриката /kx/, но не может быть аффрикаты [рх], так как здесь сочетаются гетероорганные элементы (губной и заднеязычный).

Считается, что в языке потенциально возможное количество аффрикат определяется потенциально возможным количеством чистых смычных. Таким образом, по месту образования аффрикаты делятся на те же самые типы, что и чистые смычные, за исключением гортанной смычки, у которой нет коррелирующей пары в виде соответствующего ей по месту образования щелевого согласного.

Также выделяют несколько типов аффрикат по качеству щелевого компонента. Так, по форме щели различают круглощелевые и плоскощелевые аффрикаты, по месту расположения щели – срединные и боковые, по количеству фокусов в образовании щели – одно- и двухфокусные (или длиннощелевые). В дополнение к этим типам иногда выделяют аффрикаты со вторым дрожащим элементом [7, p. 58].

Помимо этого, аффрикаты различаются в зависимости от признаков участия или отсутствия голоса, силы или слабости выдыхаемого шума, долготы или краткости, палатализации, фарингализации.

Фонематическая трактовка аффрикат представляет одну из наиболее сложных фонологических проблем вообще, восходящих к общей проблеме членения потока речи на минимальные элементы. Речь идет о том, составляет ли сложный звук сочетание самостоятельных фонем или же он является одной фонетически сложной фонемой. Решение же моно- или полифонемности сложного звука не должно зависеть от его фонетической природы, то есть пользоваться нужно не фонетическими критериями, а фонологическими, собственно лингвистическими.

Как указывал Л. Р. Зиндер, первое общefonологическое положение состоит в том, что решение может быть принято только для данного языка на основе изучения его фонематической системы в целом [2, с. 212]. Только в том случае, когда соответствующее сочетание монофонемно, можно говорить о нем как о фонематической единице.

К пониманию того, что эта чисто фонологическая проблема не зависит от фонетических характеристик, пришли не сразу. Разные ученые использовали разные критерии, пытаясь решить эту проблему.

Английские фонетисты Джоунз и Гимсон, исходя из фонетических характеристик, выделяют в английском языке наряду с общепризнанными аффрикатами /tʃ/ и /dʒ/ другие: Джоунз выделяет еще 4 – /ts/, /dz/, /tr/, /dr/ [7], а Гимсон к этим добавил /tθ/ и /dθ/, считая их монофонемными единицами [6]. С акустико-артикуляторной точки зрения эти сочетания представляют собой единое целое: компоненты этих сочетаний гомоорганны, смычка переходит в щель. Но, как уже было сказано, фонетическая природа не определяет фонемный статус звуков.

Трубецкой в «Основах фонологии» установил несколько правил определения одно- и многофонемной трактовки сложных звуков [4, с. 51-56]. Согласно его точке зрения, сочетание звуков может трактоваться как монофонема, если:

- 1) его компоненты не разделяются в данном языке на два слога;
- 2) оно произносится единым артикуляторным движением или путем постепенного распада артикуляторного образования;
- 3) его длительность не превышает длительности встречающихся в данном языке реализаций других фонем.

Л. Р. Зиндер подверг критике эти правила. Он писал, что «первое и третье (правила) недостаточны для того, чтобы судить о монофонемности или бифонемности дифтонгов... что же касается второго правила, то оно ошибочно, фонетическая характеристика дифтонга не определяет его фонематической сущности...» [2, с. 213]. Очевидно, что сказанное им в отношении дифтонгов может быть применено к аффрикатам.

Многие исследователи в решении этого вопроса пользовались методом протгивопоставления, замены, перестановки. Например, при установлении фонемного статуса немецкой аффрикаты /pf/ Н. Морцинец противопоставлял слова *Topf* и *Torf*, тем самым заранее признавая факт ее бифонемности, тогда как это-то и следует доказать [8]. Используя этот метод, фонологи забывают о том, что задача состоит в том, чтобы доказать раздельность компонентов полифонга или аффрикаты, они фактически исходят из признания этой раздельности и видят свою задачу только в том, чтобы выяснить, имеет ли эта раздельность фонологический характер. Критерий противопоставления не применим при членении потока речи на минимальные единицы. Следует выявить сам лингвистический механизм этого членения. Тем самым и будет определена дальнейшая нечленность соответствующего отрезка речевой цепи.

Основываясь на таком понимании вещей, Л. В. Щерба считал, что наличие в языке квазиомонимов не ведет к членению речи: «...можно представить себе язык, в котором все слоги открытые и состоят из одного какого-либо согласного и гласного *a*, и в таком языке фонемами будут *sa*, *ka*, *ta*... и т.д., т.е. *a* не будет отделяться сознанием» [5, с. 6]. Таким образом, он указывал на то, что звуковое членение потока речи связано со смысловым. Он пишет: «Так как основной интерес речи лежит в смысловых представлениях, то звуковые нормально не находятся в светлом пункте сознания. Казалось бы с этой точки зрения, что... и фонетическая делимость есть результат в значительной степени научного мышления. Но дело в том, что элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений, так /l/ в словах *пил*, *был*, *дала* ассоциировано с представлением прошедшего времени; /a/ в словах *корова*, *вода* ассоциировано с представлением субъекта; /u/ в словах *корову*, *воду* – с представлением объекта и т.д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям элементы наших звуковых представлений и получают известную самостоятельность» [Там же].

Сильнейшим фактором, действующим в этом процессе членения, является, как указывал Л. Р. Зиндер, морфологический [2, с. 126]. Важность его заключается в том, что он независим от каких-либо фонетических особенностей звуковых последовательностей. Критерий морфологической членности или нечленности может быть сформулирован следующим образом: звуковой сегмент, находящийся на стыке морфем или слов, не может представлять одну фонему. Таким образом, морфологическая граница никогда не проходит внутри монофонемной единицы.

Итак, аффриката является монофонемой, если в данном языке граница между морфемами никогда не разделяет его компонентов, и полифонемным сочетанием, если внутри возможен морфемный шов.

Английские аффрикаты /tʃ/ и /dʒ/ отвечают первому требованию: смычный и щелевой элементы никогда не относятся к разным морфемам, в отличие от сочетаний [ts], [dz], [tr], [dr], [tθ] и [dθ]. Щелевые компоненты /s/, /z/, /θ/ данных сочетаний представляют собой экспоненты разных морфем. Например, /s/ и /z/ являются

экспонентами морфемы множественного числа имен существительных либо глагольной морфемы третьего лица единственного числа *Present Simple*, а /θ/ – экспонентом морфемы порядкового числительного. Что же касается [tr] и [dr], несмотря на то, что они часто встречаются в пределах одной морфемы, обычно они воспринимаются носителями языка как сочетания отдельных фонем, такие же, как и сочетания /pr/, /kr/, /θr/. Таким образом, только две аффрикаты /tʃ/ и /dʒ/ в английском языке являются однофонемными, а остальные звуковые последовательности представляют сочетания самостоятельных фонем.

Таким же образом доказывается монофонематичность немецких аффрикат /pf/, /tʃ/ и /ts/, монгольских /ts/, /tʃ/, /dz/ и /dʒ/, между компонентами которых никогда не проходит морфемный шов.

Однако очень часто положение осложняется тем, что наряду с монофонемными аффрикатами в данном языке присутствуют сочетания соответствующих смычного и щелевого. Например, в том же немецком наряду с аффрикатой /pf/ встречается сочетание глухого губного смычного /p/ с щелевым /f/. Это сочетание проявляется на стыке морфем. Поэтому необходимо убедиться, что это сочетание фонетически не совпадает с аффрикатой. Л. Р. Зиндер, исследуя этот вопрос, убедился, что в полном типе произнесения компоненты сочетания /p/ и /f/ сохраняют свою самостоятельность и противопоставленность /pf/ и /p/ + /f/ прослеживается отчетливо [3, с. 94]. В современном монгольском языке звукосочетание [ts] также употребляется в пределах одной морфемы, например *утсаар* [utsa:r], где данное звукосочетание возможно благодаря полной редукции второго гласного корневой морфемы *утас* «нить». Анализ акустических характеристик аффрикат и соответствующих им сочетаний согласных выявил наличие объективных отличий между ними:

а) сочетания согласных характеризуются значительно большей длительностью по сравнению с соответствующими аффрикатами;

б) различие между шипящей аффрикатой и соответствующим сочетанием обеспечивается за счет существенного увеличения длительности щелевого компонента аффрикаты. Различие между свистящей аффрикатой и соответствующим сочетанием обеспечивается за счет увеличения длительности сочетания в целом;

в) смычный элемент сочетаний согласных в отличие от смычного компонента аффрикат обладает самостоятельным взрывом;

г) частотные характеристики щелевых компонентов аффрикат и сочетаний находятся в разных спектральных зонах [1, с. 11-12].

Этот факт еще раз подтверждает то, что без фонетического различия не может быть фонологического, хотя одного фонетического различия недостаточно для существования фонологического различия.

Фонологическое различие русской аффрикаты /tʃ/ и сочетания /t/ + /ʃ/ также подтверждается фонетическим различием. Здесь применяется критерий длительности. При сравнении пары слов /atʃut'itsa/ *очутиться* и /atʃut'itsa/ *отшутиться* ясно ощущается, что даже если во втором слове /t/ произнесено без взрыва, длительность сочетания значительно превышает длительность аффрикаты. Очевидно, что носитель языка интуитивно решает, моно- или полифонемна данная звуковая последовательность, и, исходя из этого, соответственно произносит ее как одну фонему или сочетание фонем по длительности. Таким образом, критерий длительности отчасти фонематичен, так как здесь происходит соотнесение с фонологической системой языка в целом.

Однако сложнее обстоит дело с аффрикатой /ts/, монофонематический характер которой не вызывает сомнений, но тем не менее в русском языке есть некоторые примеры, когда внутри данного сложного звука проходит морфологическая граница – *детский* /d'etsk'ij/, *советский* /sav'etsk'ij/, где смычный элемент относится к корню, а щелевой – к суффиксу.

Еще одним критерием монофонемности сложного звука может быть трудность в идентификации его компонентов. К примеру, идентификация компонентов монгольских аффрикат /dz/ и /dʒ/ вызывает затруднения, так как в данном языке отсутствуют переднеязычные щелевые /z/ и /ʒ/.

Таким образом, при решении данной проблемы наиболее адекватным критерием служит морфологический. При отсутствии морфемного шва внутри звукосочетания вывод о его монофонематичности однозначен. В случае же прохождения морфемной границы между компонентами сложного звука, но при наличии сомнений в его полифонематичности возможно использование дополнительных фонетических критериев.

Список литературы

1. Васильева М. Г. Сложные согласные звуки в фонетическом и фонологическом отношении (экспериментально-фонетическое исследование на материале халха-монгольского, бурятского и русского языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 19 с.
2. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высш. школа, 1979. 312 с.
3. Зиндер Л. Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. М.: Изд. центр «Академия», 2003. 157 с.
4. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
5. Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л.: Наука, 1983. 321 с.
6. Gimson A. C. An Introduction to the Pronunciation of English. Bristol, 1970. 336 p.
7. Jones D. An Outline of English Phonetics. Cambridge University Press, 1976. 400 p.
8. Morciniec N. Zur phonologischen Wertung der deutschen Affrikaten und Diphtinge // Zeitschrift für Phonetik. Berlin, 1958. Bd. 11. H. 1. S. 49-66.

THEORETICAL ISSUES OF COMPLEX CONSONANTS

Ayusheeva Marina Glebovna, Ph. D. in Philology
Buryat State University
marinvasil@yandex.ru

The problem of complex sounds (polyphthongs among vowels, affricates among consonants) is a detached one in theoretical phonetics, as it is connected with the general theory of speech flow segmentation. The question is as follows: whether a complex sound consisting of several phonetically heterogeneous sounds is one or several phonemes. One must note that there is no unambiguous, universal solution of this problem suitable for all the languages, as it is possible only for a specific language on the basis of studying its phonological system as a whole. The author emphasizes that this problem consideration should be implemented from merely linguistic positions using a morphological criterion as the basic one while determining the phonematic status of complex sounds. The issue is complicated by the fact that alongside with monophonemic complex sounds, sound combinations similar to them as to phonetic structure may be present in a language. This fact makes necessary to find phonetic differences between them, as phonological difference can't exist without a phonetic one. The article provides examples from the English, German, Russian and Mongolian languages.

Key words and phrases: philology; theory of language; Germanic studies; Mongolian studies; phonetics; complex sounds; affricates.

УДК 811.11-112

Статья посвящена одному из важных компонентов невербального общения – зрительному контакту. В ней рассматриваются основные функции глаз в коммуникации, выявляются смыслы визуального взаимодействия на примере романа американского писателя Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (J. D. Salinger. "The Catcher in the Rye"). Проведенный анализ позволяет заключить, что в агрессивном невербальном поведении окулесические знаки, взаимодействуя с вербальными средствами, могут выполнять различные функции и выражать разнообразные эмоции, не всегда согласующиеся с последними.

Ключевые слова и фразы: межличностная коммуникация; невербальное общение; визуальное поведение; агрессивное поведение; окулесика.

Бартенева Валентина Васильевна

Перельгут Надежда Майеровна, к. филол. н., доцент

Нижневартровский государственный университет

valya18_89@mail.ru; perelgut_ru@yahoo.com

**ОКУЛЕСИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ АГРЕССИВНОГО
НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»)**

Подтверждая антропоцентрический характер современного языкознания, лингвистические исследования второй половины прошлого века и начала нынешнего столетия посвящены проблемам пограничного, междисциплинарного характера: взаимосвязи языка и культуры, языка и теории познания; изучению многогранного процесса человеческого общения, часть сторон которого традиционно находилась вне сферы лингвистики – в области психологии, социологии, физиологии. Возрождается интерес и к той стороне коммуникации, которая считалась «окололингвистической», – паралингвистике, в современной трактовке, именуемой «невербальное поведение», или «невербальная коммуникация», или шире – «невербальная семиотика». Свидетельство тому – появившееся в последние десятилетия множество работ как отечественных, так и зарубежных авторов [1-5; 6; 8; 11; 12; 18; 19; 23]. При этом объектами исследования служат различные компоненты невербального поведения, их функционирование в разных лингвокультурах, в том числе в сопоставительном плане.

Считается, что в межличностном общении слова способны передать лишь семь процентов информации [14, с. 272]. По мнению Г. В. Колшанского, несловесный аспект коммуникации представляет интерес для языкознания только в сочетании с вербальным. Экстралингвистические средства сопровождают речевое общение: способны элиминировать неоднозначность конкретного речевого акта, могут восполнить недостающую информативность вербального высказывания [7, с. 76].

В настоящее время проблемы неязыковой организации устной речи, равно как и языкового отражения невербального поведения считаются недостаточно изученными. До сих пор невербальное поведение не подвергалось системному описанию с социокоммуникативных позиций: оно, главным образом, изучалось психологами, социологами, антропологами. В связи с этим изучение способов воздействия невербальными средствами на участников общения и языковой репрезентации невербального поведения представляется весьма актуальным.